

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
8 класс

Задание. Прочитайте рассказ В. Арро «Чиж-Королевич» и напишите отзыв на это произведение

Владимир Арро

Чиж-Королевич

Чиж-Королевич сидел на своей постели и плакал. Отец зажёл спичку и просунул руку в окно.

— Ты почему плачешь?

— Не знаю, — ответил Чиж-Королевич.

Рядом с отцом появилась мама. Чиж-Королевич не видел их лиц.

Отец спросил у мамы:

— Товарищ Чиждов, что же это делается с твоим Чижиком?

Мама сказала:

— А с твоим Королевичем, товарищ Королёв?

Оба вздохнули.

— Ну, одевайся, — сказал отец.

Чиж-Королевич вскочил с постели, заторопился, но, как всегда, его задерживали шнурки.

— Ладно, вылезай, — сказала мама. — Здесь зашнуруешь.

Чиж-Королевич опёрся ладонями о подоконник и приготовился прыгнуть, но руки отца приподняли его и понесли.

— Ты почему опять плакал? — спросила мама, когда они, взявшись за руки, шли по деревенской улице мимо изгородей и домов.

— Было грустно...

— Отчего?

— Просто так.

— Так бывает, — сказал отец. — Что-то в груди скапливается, да, Чиж?

— Да, — ответил Чиж-Королевич.

— Какая-то смутность... У тебя разве так никогда не было?

— Было, — сказала мама. — Очень давно. Сейчас мне грустить некогда. Но я всё равно Чижа понимаю.

— Мне куда-то захотелось, — сказал Чиж-Королевич. — Далеко-далеко!..

— Куда бы это? — спросил отец.

— В какое-нибудь царство, в какое-нибудь государство... Ну, понимаешь, за тридевять земель.

— Вот оно что, — сказал отец. — Мне тоже иногда куда-то хочется. Я бы пошёл с тобой.

— За границу, что ли? — спросила мама.

— Да нет!.. Не за границу, правда, Чиж? Сначала чтобы по проводам, потом по реке, потом чтобы по тропинке...

— Ага! И чтобы следы на ней были!..

— Следы — это так говорится, — сказала мама. — На тропинке следов не

видно.

— Нет, если копыта или большие когти, можно различить.

— А разве другие следы бывают?

— Бывают, — сказал Чиж-Королевич. — Это когда на голых ладошках идут.

— На голых ладошках?.. Это что-то непонятное. Чиж, не говори, пожалуйста, на ночь таких вещей.

— Хорошо, мама.

Отец сказал:

— А знаешь что, Чиж, мы, пожалуй, сейчас и пойдём. Что это нам терять время.

— Конечно, сейчас!.. — заволновался Чиж-Королевич.

— А я? — спросила мама.

— Да, как же нам быть с мамой... Знаешь, ты уж оставайся, — сказал отец.

— Оставайся, конечно, — сказал Чиж-Королевич. — Мы ведь всё равно к тебе вернёмся.

Мама вздохнула:

— Ну что ж... Но проводить-то я вас провожу.

В деревне, в которой они жили на даче, люди ещё не спали, и окна некоторых домов были освещены. А вечер был тёплый, душистый, воздух стоял густо и совсем не шевелился.

— Ну, куда это вы хотите, — сказала мама. — Вон как у нас хорошо: и лес, и река, и деревня такая славная.

— В некотором царстве лучше, — сказал отец.

— Там лучше, — подтвердил Чиж-Королевич.

Вдруг в темноте кто-то сказал:

— Нинка, занеси одеяло в дом.

— А где оно?

— Поищи.

— Возле сена, что ли?

— Ну. Только стряхни сначала, а то жабу завернёшь.

— Ой, я боюсь!.. — сказала Нинка.

— Да ладно, это я к слову. Сегодня ночь сухая.

И скрипнула дверь.

Отец подкрался к изгороди и тихонько сказал:

— Ква!..

Нинка молчала.

— Ква! Ква! — повторил отец. — Не вытряхивай меня, не вытряхивай!

— Кто это балует? — спросила Нинка.

— Не бойся меня. Ква.

— А вы кто? Дачники, что ли?

— Ква.

— Это мы, старые жабы, — басом ответил Чиж-Королевич и засмеялся.

— Чиж-Короле-вич!.. — нараспев сказала Нинка. — Ты ещё не спишь? Как вы хорошо квакали. Я даже сначала поверила.

— Любой бы поверил, — сказала мама. — Он у нас и мяукает хорошо. Ну-ка, Королёв, промячь.

— Мяу!.. — сказал отец.

Нинка засмеялась.

— И правда. А у нас в школе зимой была самодеятельность. Один учитель паровозу подражал. Похоже. Но очень уж долго. Директор даже остановил.

— До свидания, Нина, — сказал Чиж-Королевич.

— Вы уже спать? А хотите — с сеновала попрыгаем? У нас целый воз сена на дворе.

— Мы бы с удовольствием, — сказал отец, — но нам нельзя. Мы уходим.

— Мы уходим далеко-далеко, — сказал Чиж-Королевич. — Нас уже здесь завтра не будет.

— А что, вы разве уже съезжаете?

— Да нет, мы в некоторое царство, в некоторое государство...

— Жалко, — сказала Нинка и недоверчиво на них посмотрела.

— Но мы вернёмся, жди нас!..

Они выбрались на дорогу, и Нинка сразу исчезла в темноте. Ночь была без луны, но дорога сама по себе светилась, особенно её колеи.

— Нам не страшно? — спросила мама.

Чиж-Королевич громко ответил:

— Конечно, нет!

— Конечно, не страшно, — сказала мама. — Ведь с нами Королёв, наш отец.

— Да, я с вами, сказал отец. — Давайте даже пойду в серединке, чтобы каждому было по моей руке.

— Вот видите, как вам завтра было бы здесь хорошо, — сказала мама. — С сеновала бы попрыгали. Не уходите...

— Нет, мы пойдём всё-таки, — сказал отец.

Чиж-Королевич вздохнул:

— Мы пойдём. Вот только к Шурику зайдём на прощанье?

— Шурик — это который толстенький такой, пузатенький, в синих трусиках?

А зачем мы к нему пойдём?

— Он сказал, что у него что-то есть. Очень что-то интересное, а мы не узнаем. Потому что мы ведь уйдём.

— Ну ладно, — сказал отец, — пошли к Шурику.

Чиж-Королевич потянул их к какому-то дому, и они очутились в палисаднике. Из глубины двора на них залаяла собака.

— Это лайка у них, — сказал Чиж-Королевич. — Зовут Рита. Но вы не бойтесь, она привязана.

Он постучался.

— Заходите, заходите, — сказала мать Шурика.

Они вошли в кухню.

— Шурик не спит ещё? — спросил Чиж-Королевич.

— Не спит.

— Чего же это мне спать, — сказали откуда-то снизу, с тёмного пола.

— Где он тут? — спросил отец. — Мы к тебе в гости. Поглядеть на тебя пришли.

На полу помолчали.

И тут только все увидели, что Шурик сидит к ним спиной и старательно что-то от них загораживает.

— Кино я, что ли?.. Или я поезд?.. Или какой-нибудь цветочек.

— Да будет тебе, срамник! — прикрикнула на него мать и вышла за дверь.

— Что это ты там прячешь? — усаживаясь на лавку, спросил отец.

— Ничего я не прячу... Корзина стоит, вот и всё.

— Нет, прячешь, — сказал отец. — А я сейчас подойду и посмотрю.

— А я корзину мешком накрою.

— А я открою.

— А я Лёшку позову.

— А я знать не знаю никакого Лёшки.

— Лёшку-то не знаете?.. Он же мой братан!

Но тут вошла мать Шурика и поставила на стол кувшин молока.

— Ну что, так он вам, худой мальчишка, и не показал?

— А там и показывать-то нечего, — сказал отец. — Какие-нибудь стручки гороховые...

— По-моему, у него там шишки, — сказала мама.

— Ну, нет! — сказал Чиж-Королевич. — Шишки он не стал бы прятать. Там что-то живое!..

— Как ты не понимаешь, — шепнула мама, — он тогда не покажет... Или трава там у него!

— Конечно, трава, — громко сказал Чиж-Королевич. — Или шишки. Ничего там живого и нету.

Шурик, не оборачиваясь, сказал:

— Подговорились меня дразнить?..

— Да ничего там особенного, — сказала мать Шурика. — Оценилась наша Рита. Вот взяли щенков на ночь в дом, чтобы спросонья не задавила.

И тут из угла послышался звук, как будто шипели в огне сырые дрова.

— Ты чего, Александр? — спросила мать.

Шурик не отвечал, а только всхлипывал и шипел.

— Не совестно тебе?

Шурик, вздрагивая спиной, горько плакал.

— Жаль, — тихо сказал отец среди общего молчания. — Прости нас, Шурик.

— Это я виноват, Шурик, — сказал Чиж-Королевич, — ну зачем я захотел всё узнать!..

Все вздохнули и вышли из кухни.

— Ох уж этот Шурик! — сказала мать, провожая их до крыльца. — Я ведь хочу одного утопить, а уж другого оставить ему для забавы.

— Щенка? Утопить? — спросил Чиж-Королевич, когда они вышли на дорогу. — А зачем она хочет щенка утопить?

— Ну, как тебе сказать... — начала было мама. — Зачем, Королёв?..

— Я не знаю, — сказал отец.

— Наверное, держать негде, — вздохнула мама.

Чиж-Королевич остановился.

— Так давайте мы возьмём одного!

— Вы же уходите, — сказала мама. — Когда вернётесь, тогда и будете просить.

Чиж-Королевич ещё раз оглянулся на дом Шурика и посмотрел на отца.

— Мы ведь не очень долго там будем?

Отец пожал плечами:

— Как знать.

Вдруг впереди зажглась спичка. Пламя осветило траву и курносое, обгоревшее на солнце лицо.

— Кто это здесь возле дороги ползает? — спросил отец. — И спички зачем-то жжёт.

— Семихин Николай-старший... Вы поаккуратней, тут у меня велосипед.

— Конечно, выползков тут ищешь?

— Не выползков, — сказал Николай. — Педаль...

— Велосипед-то, наверное, отцовский.

— Угу...

— А отцу рано утром на работу ехать, или на покос, или ещё куда?..

Семихин Николай-старший насовсем замолчал.

— Да-а, дело дрянь...

— Давайте и мы поищем! — сказал Чиж-Королевич и присел в траву.

— Да что же тут найдёшь, когда темень такая, — сказала мама.

— А как он домой без педали пойдёт? Николай, — позвал Чиж-Королевич, — ты пойдёшь домой без педали?

— Нет, — сказал Николай.

— Вот видишь!

— Нельзя ему домой без педали, — вздохнул отец.

Чиж-Королевич, отец и Николай-старший стали ползать у дороги в траве, отбрасывать в сторону деревяшки и мелкие камни. А мама ходила рядом с ними и каждую минуту спрашивала: „Ну как, не нашли ещё?“

Вдруг мама сказала:

— Вот у меня что-то об ногу стукнулось.

— Тут камней много, — сказал Николай-старший.

Чиж-Королевич подбежал и крикнул:

— Да это ж педаль!

Николай-старший вырвал у него из рук педаль, засуетился, поднял велосипед и покатил его по дороге.

И уже из темноты крикнул:

— Эй, как тебя... Чижик!

— Не Чижик! Чиж-Королевич!..

— Приходи завтра на мост ершей ловить!..

— Я приду! — ответил Чиж-Королевич и спросил у отца: — Мы вернёмся до завтра из некоторого царства?..

— Не знаю... — сказал отец.

Слышно было, как стукнула за Николаем-старшим калитка. И опять всё затихло. В доме, мимо которого они проходили, потух свет. Между деревьями блеснула река. Долгий деревенский вечер кончался, и скоро всё должно было погрузиться во тьму.

— Как хорошо! — вздохнула мама. — Ну куда ещё люди могут стремиться?.. Я бы, кажется, всю жизнь прожила здесь.

— А мы бы всё шли и шли, правда, Чиж? — сказал отец. — Пока не завиднелось бы царство...

— Некоторое, — пояснил Чиж-Королевич.

— Всё равно какое, — сказал отец.

Вдруг Чиж-Королевич сжал его руку.

— Тише!..

— А в чём дело?

— Возле того дома кто-то сидит!..

— Ну и что? — вполголоса спросил отец.

— Дом-то тот заколочен. В нём же никто не живёт! Все трое остановились.

На фоне неба чернела крыша. Рядом стояли, низко опустив ветви, несколько белых берёз. На тёмном фасаде, где должны были блестеть окна, можно было различить три одинаковых остроугольных креста.

— Где сидит?.. — шепнул отец.

— Да вон, под второй берёзой....

— Да нет, это пень старый...

— Ой, шевелится! — шепнула мама.

— Спокойно, — сказал отец. — Ну и пусть шевелится.

— Что-то белое у него...

— Встаёт, смотрите...

И вдруг голос от заколоченного дома сказал:

— Нет ли у вас папирос?

Все помолчали.

— Папирос спрашивает, — шепнул Чиж-Королевич.

— Я не курю, — сказал отец и пошёл навстречу человеку.

— Он бросил недавно, — сказала мама дрожащим голосом, и они с Чижом-Королевичем пошли вслед за отцом.

Перед ними сидел высокий старик в чёрном костюме. На груди, в вырезе пиджака, у него лежала белая борода.

— Вы на дачу приехали? — спросил Чиж-Королевич.

— Нет, — сказал старик. — Я насовсем. Буду жить в этом доме.

— В заколоченном?..

— Зачем же... Расколочу.

Чиж-Королевич видел, как отец внимательно разглядывает старика, и тёмный дом, и берёзы.

— А мы в тридцатое царство идём, — сказал Чиж-Королевич.

Старик кивнул головой.

— Очень правильно поступаете. Я и сам в него шёл.

— Сначала по проводам, потом по реке, потом по тропинке? — обрадовался Чиж-Королевич.

— Нет, — сказал старик. — Совсем не так. Сначала по камням, потом по трясине, потом сквозь колочки... — И он посмотрел на них строго. — Тебя как зовут?

— Чиж-Королевич.

— Через чёрточку пишется?

— Через чёрточку.

— Покажешь мне завтра ваши места?

— Конечно, покажет, — сказала мама. — И я покажу. И Королёв покажет.

Старик сказал:

— А вы здесь, граждане, великодушно простите, ни при чём.

— Чижа всегда больше любят, чем нас, — сказала мама, прижимаясь к

отцовской руке.

— Я ведь про вас всё знаю. А про него — ничего.

Старик говорил так строго, что все сразу поняли, что перечить ему нельзя.

— А колокольчики у вас растут? — спросил он Чиж-Королевича.

— Растут! Ещё сколько!

— А голубые или фиолетовые?

— Всякие!

— Я люблю голубые. И чтобы в букет ещё жёлтого горицвета вставить. Лет сорок колокольчиков не собирал.

— Сколько? — спросил Чиж-Королевич.

— Сорок лет.

— Неужели! А я позавчера...

— А я только спустя десять лет родился после того, как вы в последний раз собирали колокольчики, — сказал отец. — А потом полжизни прожил, а вы всё ещё их так и не собирали.

— Жалко... — сказал Чиж-Королевич.

— Да-а... — вздохнул старик. — Жаль.

— Ну, я вас завтра на вырубку сведу, — пообещал Чиж-Королевич. — Там есть крупные, с кулак.

— Спасибо. А теперь идите, — сказал старик.

Всем троем не хотелось уходить, но послушаться было невозможно, и они пошли.

Деревня кончалась. Впереди, на синем скошенном лугу, теряла свой свет и дорога. Внизу, слева, куда опрокидывался луг, заблестела вода. Там трещал коростель.

Чиж-Королевичу очень хотелось поговорить про того старика, но он знал, что отец и мама не любят после встречи с каким-нибудь человеком его обсуждать.

— Вы всё-таки и дальше пойдёте? — спросила мама.

Отец сказал:

— Конечно.

Он перепрыгнул через придорожные камни и побежал по траве.

Чиж-Королевич вырвал у мамы руку и погнался за отцом.

— Вы не подумали, что я одна могу заблудиться! — сказала откуда-то с дороги мама.

— Где вы там? — издали и сверху крикнул отец.

— А ты где? — спросил Чиж-Королевич. — На стог, что ли, залез?

— У-у, что я вижу! — сказал отец. — Скорей, Чиж, скорей!

— А мне как? — спросила снизу мама. — Или я могу уже уходить?..

— Да уж как-как... Не оставим.

— Не оставим, — сказал Чиж-Королевич.

Они втянули маму наверх.

— Ну вот, вставайте, — сказал отец. — Смотрите теперь...

Они встали на стогу и увидели над зубчатым лесом горбатый край огромной оранжевой луны.

— Так она же совсем-совсем близко! — крикнул Чиж-Королевич, всплеснув руками. — Это просто страх, как близко!

Отец сказал:

— Смотри, не свались.

— Ну и луница! Что она так раздулась! — не унимался Чиж-Королевич. —
Никогда такой луницы не видел!

— Садитесь, — сказал отец. — Теперь можно сидя смотреть.

Они сидели, а луна всё подымалась и подымалась из-за леса. Наконец её
нижний край оторвался от тёмной гребёнки — и она поплыла.

— А знаете что, — сказал отец, — пожалуй, я никуда не пойду отсюда!

И он повалился на сено.

— И я не пойду! — сказал Чиж-Королевич, улёгшись рядом с отцом.

Они ждали.

— И я не пойду, — сказала мама, — хоть вы меня силой спихивайте, никуда
не пойду! Буду с вами рядом спать.

— Так мы этого и хотели, — сказал отец. — Зачем нам тебя спихивать.

— Нам ведь без тебя неохота, — сказал Чиж-Королевич.

— Так бы сразу и говорили! — обрадовалась мама.

Они лежали, прислушиваясь к тишине, к случайным ночным звукам, к
шевелению сена под собой. Дыхание мамы и Чижа-Королевича перепутывалось, и
от этого у обоих горели щёки. Из стога вверх поднималось тепло.

Чиж-Королевич вздохнул глубоко, посмотрел в последний раз в небо и закрыл
глаза.

Кто-то внизу под стогом пискнул, забормотал. Потом всё стихло. Луна
поднималась над лесом бесшумно, как воздушный шар. Вокруг становилось светлее.
Наступала ночь.

— Королёв, — шепнула мама. — Не спишь?

— Не сплю.

— Это ты хорошо придумал. Чиж успокоился.

— Да.

— Никуда не хочет...

— Жаль... — шепнул отец.

— Почему?

— Это хорошо, что ему захотелось далеко-далеко...

— Зачем?

— Каждый человек время от времени должен...

— Сначала по проводам, потом по реке, потом по тропинке?

— Это уж как получится.

— И тебе теперь захотелось? — спросила мама.

— Да.

— А мне нет. Мне без вас никуда не хочется. Мне даже минутку без вас жалко
прожить. Например, вчера, когда вы ушли на почту...

— Но ты ведь нас отпустишь, если нам очень будет нужно?

— А что же мне делать? Отпущу...

Чиж-Королевич этого разговора уже не слышал, потому что он крепко спал.